

в грехе инцеста; он — виновник заключения женщины. «Готическая традиция создает целую цепь таких героев, наделенных почти сверхъестественной силой и властью над людьми, которыми они распоряжаются, руководствуясь единственно своей волей и желанием (Манфред у Уолпола, Монтони и Скедони у Радклиф, Амброзио у Льюиса, Мельмот у Матюрена и др.).⁴² Поставленные вне общества, вне его быта, психологии и морали, они легко приобретают черты демонизма. В пределах «готического» романа суд над ними произносится с близкой просветительству точки зрения общеобязательных моральных норм, Черты этого литературного типа «феодала» есть и в борнгольмском «старце» — виновнике страданий молодых героев повести. Между тем оказывается, что тяжесть преступления лежит не на нем; этот «готический тиран» — страдающее лицо, не в меньшей степени, чем сами любовники; преследователь и жертва одновременно. Тяжесть индивидуальной вины скорее лежит на самих любовниках, повинных в грехе инцеста. Так обнаруживается центр спора, заложенного в самой художественной ткани «Острова Борнгольма»; спора, который сказывается уже в самой диалогичности его построения, напоминающего философские этюды «Аглаи». Каждая из затронутых в повести проблем несет в себе два полярно противоположных начала. Любовь молодых людей оправдана законами «естественной» морали и осуждена законами морали общественной. Изгнание «гревзендского незнакомца» и заточение его возлюбленной — суровое наказание, но наказание во имя сохранения «добродетели», предотвращения преступления. Карамзин как бы вскрывает внутренние возможности трактовки, подсказанные ему литературной традицией, а в иных случаях и переосмысляет ее, давая совершенно несвойственное ей освещение мотиву «заточения» и образу хозяина замка.

Диалектичность подхода к явлениям «морального мира», которая оказывается существенной чертой художественного метода в «Острове Борнгольме», является прямым следствием идейной эволюции Карамзина. «Остров Борнгольм» стоит как бы на подступах к письмам Филалета и Мелодора и так же, как они, затрагивает, хотя и косвенно, общие проблемы философии истории. В рассуждении «Нечто о науках, искусствах и просвещении» в первом томе «Аглаи» Карамзин остается еще в пределах рационалистической схемы: преступления в «моральном мире» — результат непросвещенности; «просвещение есть

⁴² О типах «героя-злодея» см., например: D. Varma. The Gothic Flame, p. 117 и сл.